

— МАКСИМ действительно сошел с экрана и стал как бы частицей жизни моего поколения,—воспоемляет артист.—Даже тогдашняя пресса иногда называла меня Максимом Чирковым. Авторы многочисленных писем высказывали предположение, что если я сам и не являюсь Максимом, то, во всяком случае, состою с ним в кровном родстве. А все объясняется просто: я играл человека, близкого мне по характеру и по духу, играл без грима и без прикрас.

— Кажется, Максим не был первой вашей ролью. Как вы пришли в кино?

— Для этого прежде надо сказать, как я пришел в театр, вообще в искусство. Ведь моя трудовая биография началась с учительствования в одной из школ захолустного городка Ноллинка бывшей Вятской губернии.

Единственным развлечением жителей нашего небольшого городка был самодеятельный театр. Я пристрастился к нему еще школьником. Когда заболел суфлер, к нам пришел какой-то человек и спросил: «Кто у вас лучший подсказчик?» «Борька Чирков!»—в один голос ответил класс. Меня взяли суфлером. Но во время спектакля, увлекшись, я так громко подавал реплики из своей будки, что зрительный зал хохотал в самых неподходящих местах, когда на сцене разворачивались события в высшей степени драматические.

Убедившись в том, что суфлерского таланта новичку явно не хватает, меня решили испытать в роли актера. Мы ездили по окрестным деревням в составе культурно-просветительных агитотрядов, выступали перед людьми, которые понятия не имели о театре. Полагая, что моя актерская карьера должна закончиться в Ноллинске, осенью двадцать первого я поехал в Ленинград учиться на инженера. Прочитав год в политехническом институте — впрочем, без особых успехов, поскольку сразу же с головой окунулся в мир искусства с его тогдашними левыми изысками, экспериментами, идеями пролеткульта... Наше вятское землячество решило, что Борьке Чиркову больше нечего делать в политехническом, и я стал студентом Ленинградского института сценических искусств. Ком-

пания подобралась, что надо: Черкасов, Меркурьев, Симонов, Толубеев, Смирнов, Полицеймако... И, между прочим, Кистов, который впоследствии стал актером минского Русского театра и так прекрасно сыграл короля Лира.

После окончания института я был принят в Ленинградский ТЮЗ, где поначалу пришлось

этого надо было сняться в кино, которое хотя и было в те годы немым, но уже приобрело огромную популярность. Видно, парень я был все-таки везучий: мне предложили роли в двух фильмах — «Родной брат» и «Луна слева», где, кстати, я впервые сыграл с Черкасовым. Потом нам не раз приходилось появляться вместе и на сцене, и

— Что вы испытываете, глядя на экран, где видите себя?

— Честно признаться, особенно удовольствия это не доставляет.

— Почему?

— Потому что видишь все недостатки, а переделать что-то, сыграть иначе, увы, уже нельзя. А многие роли, когда проходишь время, хочется сыграть иначе.

— Даже Максима?

не удалось в свое время? Такие вещи зависят не только от желания или даже таланта актера — нужны еще и подходящие внешние данные. А вот кого бы я очень хотел и еще смог бы сыграть — Льва Толстого, причём в его последние месяцы и дни. Меня привлекает трагическое повествование о том, как великий человек в конце жизни

противник того, чтобы при этом скатываться к натурализму. Искусство должно отбирать самое характерное...

— Борис Петрович, ваша фамилия открывает список актеров театра имени Гоголя. А включает ли его такая же фамилия — Чиркова...

— Это моя дочь, она только первый сезон на сцене. Когда-то поступила в ГИТИС на театроведческий факультет, но после первого курса, видимо, почувствовала «зов предков» и пошла сдавать вступительные экзамены на актерский. Мы здесь всей семьей...

Борис Петрович знакомит меня со своей женой — актрисой театра имени Гоголя, заслуженной артисткой РСФСР Людмилой Юрьевой. Генка (дочь, между прочим, тоже Людмила). На диване блаженствует лохматый тибетский терьер Антоша, сопровождающий хозяев почти во всех гастроллях. Сейчас он подозрительно обнюхивает визитные в руках Людмилы Юрьевой. Подозрения Антоши не лишены оснований: это его шерсть пошла на будущий свитер — семейный подарок ко дню рождения Бориса Петровича.

Он пришелся как раз на минские гастролы: завтра Б. П. Чиркову исполняется семьдесят три года. Но артист с молодой энергией играет во многих спектаклях сегодняшнего репертуара театра, а в одном из них — «Как ты живешь, Зоя?» — выступает в качестве режиссера вместе с Л. Ю. Генка.

Поздравив артиста с днем рождения, я предложил ему поменяться ролями и проинтервьюировать самого себя.

— Успел ли ты сделать в жизни все, что хотел? — спросил себя Борис Петрович Чирков. И сам же ответил:

— Нет, не успел. Но хотел бы иметь достаточно сил и времени, чтобы осуществить все, что задумано. А задумано много: и актерские работы, и режиссерские, и литературные. У меня девять книг, сейчас работаю над десятой — это размышления над зрительскими письмами, которых у меня сохранилось несколько тысяч. Хочется повести с читателем задуманный разговор о том, как входит искусство в жизнь человека. И еще хочется поездить по тем местам, где пока не удалось побывать. Я был в разных странах, много ездил по Союзу, но сколько еще незнакомого — наш величественный Север, Южная Америка, Австралия... И сколько неоткрытых актерских континентов — несыгранных ролей!..

Беседу вел
А. БРЖОЗОВСКИЙ.

БОРИС ЧИРКОВ: «ИСКУССТВО- ЭТО ПРАВДА О ЖИЗНИ»

На афишах Московского драматического театра имени Гоголя, который сейчас гастролирует в Минске, есть имя, знакомое, пожалуй, каждому, кто любит театр и кино. Исполнитель главных ролей в знаменитой довоенной киносериалистике о питерском рабочем Максиме, а также в фильмах «Глинка», «Учитель», «Верные друзья», «Суд чести», «Долгие шахтеры» и многих других, народный артист СССР, четырежды лауреат Государственной премии Борис Чирков в эти дни знакомит минчан со своим замечательным искусством.

Об этом актере написано множество статей и рецензий, ему посвящены монографии, в которых детально анализируется творческий метод одного из выдающихся мастеров советского кино. Признаться, я шел к нему с трепетом, с нанием первокурсник идет на экзамен к профессору. А встретился с простым и обаятельным человеком, удивительно похожим на Максима, того самого Максима, парня с Выборгской стороны, которого не состарило время. Вполне естественно, что наша беседа с Борисом Петровичем Чирковым начинается именно с этой роли, сделавшей его одним из самых популярных актеров советского кино.

играть весьма специфические роли. Например, в сказочном волшебном лесу мне поручили изображать пень — к счастью, говорящий. Вторая роль была уже одушевленной — гусь в сказке «Гуси-лебеди». Проверив меня в качестве исполнителя неодушевленных предметов и животных, наконец, поручили роль, уже близкую к человеческой, — неандертальца в пьесе «Похититель огня». Следующей ступенькой к вершинам творчества была роль Иванушки-дурачка в «Коньке-Горбунке». И, наконец, Тиль Уленшпигель — потом оказалось, что это была прекрасная репетиция роли Максима. Недаром его кто-то довольно метко однажды окрестил «Тилем с Выборгской стороны»...

Ну, как говорится, лиха беда начало. Хотелось узнать, имею ли я право быть актером. Для

на экране. Он был Дон Кихот, я — Санчо Панса...

— А все-таки, что вам ближе — сцена или экран?

— Лучшее всего «коктейль» — то и другое, вместе взятое. Актеру повезло, когда он работает и в кино, и в театре. Каждое из этих искусств дарит исполнителю свои золотые крупинки. Кинематограф помогает быть правдивым — когда тебя снимают крупным планом, тут уж не соврешь. Театр дает актеру незаменимое чувство непосредственной связи со зрителем, дает повяты, насколько правдиво, современно ты толкуешь своего героя. Театр позволяет актеру накопить опыт познания образа, на сцене есть прекрасная возможность экспериментировать, искать лучший вариант, тогда как в кинематографе приходишь с готовым представлением об исполняемой роли.

— Даже Максима. — Стало быть, вы недовольны сыгранными ролями?

— Нет, пожалуй, я так бы не сказал. Ведь ролей было очень много, только в кино около ста, и бывает, что иная маленькая — впрочем, маленьких ролей нет, — эпизодическая приносит большее удовлетворение, чем главная.

— Какую же роль вы считаете главной в своей актерской биографии?

— Из сыгранных я ни одной не могу отдать предпочтение. Хотя все роли разные, по отношению к ним одинаковое, как у матери к детям. Ведь она любит удачливых и неудачливых, красивых и некрасивых. В каждую роль я вкладывал все, что мог.

— Вы сказали: «из сыгранных». А из несыгранных?

— К сожалению, мне не удалось сыграть Гамлета и, видимо, уже не придется. Почему

не мог найти своего пути. Но, к сожалению, такой пьесы пока нет. Конечно, же, хотелось бы сыграть и нашего современника; для меня не имеет значения его профессия, социальный опыт, — важно то, что он пережил, важен его взгляд на жизнь, на те перемены, свидетелем и участником которых он был...

— Вы не могли бы в нескольких словах изложить свои взгляды на искусство, свои творческие принципы?

— Искусство — это правда о жизни, прекрасный способ зарядить человека бодростью, оптимизмом, желанием бороться за высокие идеалы, за счастье, правду, за добрые отношения между людьми. Под впечатлением спектакля или фильма зритель должен задуматься над тем, как прожить жизнь. Сценическое воплощение основано на сродстве с жизнью, но я

